

НОЧЬ
ОЖИВШЕГО
БУТЕРБРОДА

АЛЁНА РУМЯНЦЕВА

Алёна Румянцева

Ночь ожившего бутерброда

«Автор»

2026

Румянцева А.

Ночь ожившего бутерброда / А. Румянцева — «Автор», 2026

Она была бутербродом. Не помнила, как стала едой. Но помнила строки кода. Всё, чего она хотела — лежать и портиться. Но в мире забытых вещей случилось убийство. Теперь бутерброд должен найти убийцу. «Ночь ожившего бутерброда» — детектив-фэнтези. Вы точно такого не читали.

© Румянцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Пустой каталог	6
ЧАСТЬ 1. ПРОБУЖДЕНИЕ	9
Глава 1. Анатомия крошек и памяти	9
Гл	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алёна Румянцева

Ночь ожившего бутерброда

Глава

Ночь ожившего бутерброда

«Она была бутербродом. Но помнила, как писать код. И хотела найти убийцу»

Автор: Румянцева Алёна

Пролог. Пустой каталог

Ночь началась

Серый цвет был первым, что я увидела.

Не темнота. Не свет. Серый — как старая, выцветшая фотография, как экран телевизора после отключения сигнала. Он был везде: надо мной, подо мной, внутри меня.

Я попыталась моргнуть — и не поняла, получилось ли. У меня не было век. Не было ресниц. Не было лица, чтобы щуриться.

Но я *видела*.

Вокруг, насколько хватало этого странного, размытого восприятия, простиралась бесконечная серая равнина. Ни стен, ни пола, ни потолка. Только я — и десятки плавающих в воздухе обрывков.

Файлы. Иконки. Обрывки текста.

Я протянула руку — и не увидела руки. Но *почувствовала*, как что-то движется в пространстве, подчиняясь моей воле. Курсор. Я была курсором. Белая стрелка на сером фоне, дрожащая на грани видимости.

Где я?

Ответа не было. Только тишина — неестественная, давящая, словно кто-то выключил звук у мира.

Я двинулась вперёд. Или не вперёд — направление здесь не имело смысла. Я просто *поплыла* сквозь серую пустоту, и обрывки файлов проходили сквозь меня, холодные и безразличные.

Первый обрывок. Текстовый документ, разорванный пополам. Я смогла прочитать только несколько слов: «...отчёт за третий...», «...подпись не...». Бессмыслица.

Второй. Изображение — или то, что от него осталось. Половина лица, размытого до пикселей. Женщина? Мужчина? Я не узнала.

Третий. Аудиофайл без иконки. Я коснулась его — и услышала чужой голос, искажённый, как из-под воды:

«...Лера, ты где? Мы тебя...»

Я отдёргнулась.

Моё имя. Кто-то произнёс моё имя.

Я попыталась зацепиться за голос, но файл рассыпался в серую пыль, и голос умолк.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросила я.

У меня не было рта. Но звук родился — тонкий, дрожащий, похожий на помеху в радиосигнале.

Тишина.

А потом — ответ.

— Ты новенькая?

Голос шёл справа. Или сверху. Или отовсюду. Я развернулась — и увидела её.

Визитка.

Она висела в воздухе, чуть наклонённая, как лист, подхваченный ветром. Прямоугольник плотной бумаги с потускневшей позолотой по краям. Текст на ней был выцветшим, почти нечитаемым, но одно слово выделялось чётко: «*АРХОНТ ГРУПП*».

— Ты говоришь? — спросила я.

— Говорю, — ответила Визитка. — И вижу. И помню. Пока помню.

— Где мы?

Визитка медленно развернулась в воздухе, словно оглядываясь.

— Корзина. Цифровой лимб. Место, куда попадают удалённые файлы. И те, кто были к ним привязаны.

— Я не файл, — сказала я.

— Все так говорят в первый раз, — ответила Визитка. — Ты — *lera.neuro*. Два целых семь десятых гигабайта. Зашифрована. Повреждена на двенадцать процентов. Я читала твой заголовок.

Я замерла.

lera.neuro. Это было похоже на имя файла с бэкапа. На бирку с моего собственного трупа.

— И давно я здесь?

— Не знаю. Время здесь течёт иначе. Я уже... — Визитка замолчала, словно считая. — Триста циклов? Пятьсот? Я забыла.

— Как можно забыть?

Визитка приблизилась. Её поверхность была испещрена микротрещинами, словно кто-то пытался её сломать, но не смог.

— Корзина не тюрьма, — сказала она. — Это фильтр. Те, кто помнят себя, рано или поздно находят выход. А те, кто забывают... остаются навсегда. Превращаются в серую пыль. В пустые файлы без содержимого.

Она кивнула в сторону бесконечной серой равнины.

— Ты видишь эту пустоту? Это они. Бывшие. Сотни. Тысячи. Все, кто не смог вспомнить, кем был.

Я посмотрела в серую даль. И мне показалось — или она действительно дышала? Серая масса пульсировала, медленно, как лёгкие умирающего зверя.

— А ты помнишь? — спросила я.

Визитка долго молчала.

— Частично. Я знаю, что меня создали в типографии «Полиграф-сервис» в две тысячи десятом году. Знаю, что меня вложили в конверт вместе с договором. Знаю имя человека, который меня подписал.

— Какое имя?

— Дмитрий Архонтов.

Визитка произнесла это имя с осторожностью, словно боялась, что оно взорвётся.

— А ещё я знаю, — продолжила она, — что он создал вирус. Тот самый, что стёр нас. А потом его программу удалили. Но он выжил. В баге. Его имя осталось. Оно здесь везде.

Я огляделась. В серой пустоте действительно то тут, то там вспыхивали обрывки: «Архонт», «протокол», «доступ запрещён».

— Ты хочешь выбраться? — спросила я.

— Хочу, — ответила Визитка. — Но уже не верю, что смогу.

Она замолчала. И в этой тишине я услышала звук.

Где-то далеко — очень далеко, за гранью серой бесконечности — часы пробили один раз.

Бом.

— Что это? — спросила я.

— Верхний мир, — сказала Визитка. — Там кто-то проснулся. Как и ты. Как и мы когда-то.

Бом.

Второй удар.

Я посмотрела в ту сторону, откуда шёл звук. И мне показалось — тьма там чуть светлее. Или это просто надежда?

Бом.

— Я найду выход, — сказала я. — И ты пойдёшь со мной.

Визитка ничего не ответила. Но её уголёк чуть приподнялся — как будто она улыбнулась.

Бом.

Четвёртый удар растворился в серой пустоте.

А я уже знала, что не останусь здесь.

ЧАСТЬ 1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. Анатомия крошек и памяти

Одиннадцать тяжелых, вибрирующих ударов просочились сквозь крошечную, почти осязаемую тьму. Каждый звук отдавался странной, глухой дрожью в том, что теперь заменяло мне тело, резонируя в самой сердцевине моего существования. С последним, одиннадцатым эхом, повисшим в воздухе затухающим металлическим гулом, темнота не рассеялась. Но мое сознание включилось. Резко, беспощадно.

Я попыталась сделать вдох, но легких не оказалось. Паники не было — её просто нечем было испытывать. Только холодная, расчетливая пустота и инстинктивная попытка проанализировать входящие данные.

Первое — запахи. Они обрушились на меня густым потоком. Пахло залежалой бумагой, кисловатыми высохшими чернилами и монументальной, вековой пылью. Но сквозь этот мертвый фон пробивался другой аромат. Мой собственный. Резкий запах копчености, тяжелый дух старого масла и острая, бьющая в несуществующие рецепторы кислинка благородной плесени.

Я попыталась пошевелиться. Движение вышло неуклюжим, тяжелым. Я проскользила по чему-то неестественно гладкому и ледяному — ламинату. Холод проникал сквозь нижнюю корку, поднимаясь выше. Я чувствовала себя слоистой: снизу — пористая опора хлеба, выше — скользкая прослойка застывшего жира, еще выше — плотные диски колбасы. И венцом — мягкая масса сыра, насквозь пронизанная пушистыми нитями грибка.

Осознание ударило под дых.

Я — бутерброд. Забытый бутерброд с копченой колбасой и заплесневевшим сыром. Интересно, какой у меня срок годности? Наверное, уже просрочена. Как и моя карьера разработчика.

Где-то глубоко в моей хлебной структуре запульсировал немой вопрос: «Как такое вообще могло произойти?» Но ответа не было. Только пустота и это новое, слоистое «я».

В образовавшуюся трещину рассудка хлынули обрывки чужой памяти.

Светящийся прямоугольник смартфона в темноте. Строчки кода, бегущие по экрану монитора. Жгучее желание создать лучшую мобильную игру. И чей-то голос — теплый, родной: *«Ты опять не спала всю ночь? Береги себя»*.

Чей это голос? Я не помнила.

Я помнила амбиции, свинцовую усталость, горький вкус остывшего кофе. Но не помнила ни своего имени, ни своего лица. Девушка из воспоминаний казалась призраком, навсегда запертым внутри черствого хлебного мякиша.

Ты — баг, — шепнул внутренний голос. — *Просто ошибка в системе. Ошибка 404. Носитель не найден.*

Я заставила себя думать холодно, методично.

Факт первый: у меня есть человеческие воспоминания.

Факт второй: я помню человеческое тело.

Факт третий: кто-то обо мне заботился.

Вывод напрашивался. Но внутренний скептик не сдавался: *А вдруг ты просто впитала чужие данные, как хлеб впитывает масло?*

Я не знала ответа. Но я знала, что сомнения — это не приговор. Это просто переменная, которую нужно проверить.

Я закрыла внутренний диспут и попыталась «осмотреться».

В этом мире зрение работало иначе — как сонар, улавливающий плотность предметов в полумраке. Я находилась в глубоком ущелье между стеной комнаты и исполинской ножкой офисного стола. Вокруг громоздились серые дюны из пыли, в которых тонули мелкие предметы: кусочки скотча, комки паутины, иссохшие панцири насекомых.

Я попробовала двинуться вдоль плинтуса. И наткнулась на царапины.

Они были глубокими, процарапанными острым металлом. Я прижалась к ним коркой, пытаюсь «прочитать» рельеф.

«ОНИ НАС СЛЫШАТ» — гласила первая строка. Ниже, другим почерком: «Я БЫЛА ЧЕЛОВЕКОМ». А еще ниже — третья рука перечеркнула эту строчку: «ВРЁТ. МЫ ВСЕ ВРЁМ».

— Кто вы? — прошептала я в темноту.

Тишина. Только гул системного блока где-то наверху.

Я двинулась дальше. Через несколько минут моя корка коснулась чего-то твердого и шершавого.

Ластик. Старый, серый, рассыпающийся. Он лежал на боку, весь в царапинах — но не хаотичных, а аккуратных, строчками. Я наклонилась. Плесень помогла уловить микроскопические углубления.

«Меня звали Кир. Я скреплял отчёты. А потом проснулся. И понял, что забываю. Каждую ночь — всё больше. Сегодня забыл имя жены. Вчера — цвет её волос. Если ты читаешь это — беги. Не становись как я».

Ниже — последняя строчка, почти нечитаемая: «... — ...». Точки, тире. Азбука Морзе. SOS.

Я протянула свой масляный бок и на секунду прижалась к его шершавой спине.

— Я тебя слышу, — прошептала я. — Прости, что поздно. Ты умер в одиночестве, — сказала я ластик. — Но хотя бы оставил предсмертную записку. Я даже завидую. У меня нет рук, чтобы написать свою.

Ластик не ответил. Но мне показалось, он чуть-чуть теплее, чем должен быть мёртвый предмет.

Я попятилась, чувствуя, как страх холодит масляную прослойку. Вопросов становилось всё больше. Кто написал эти послания? Кто убил ластик — время или что-то другое? И почему я чувствую себя не едой, а детективом, запёртым на месте собственного убийства?

В темноте что-то шевельнулось.

Шорох. Сухой, царапающий. Я подняла радарный «взгляд».

Из груды пыли, словно из морской пены, выкатывался Зелёный Носок.

— Доброй ночи, органика, — произнес он глухим, шерстяным голосом. — Добро пожаловать в Теневую Зону. Обитель тех, кого перестали искать.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.